

УДК 343.132

DOI 10.36511/2078-5356-2019-3-207-210

Шерстнев Владимир Бориславович
Vladimir B. Sherstnev

преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

teacher of the department of professional activity of employees of the units of public order

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: vladimir-gsu-nn@rambler.ru

Уголовно-процессуальный механизм досудебного урегулирования простых уголовно-правовых споров: современное состояние и направление совершенствования

Criminal procedure mechanism of pre-trial settlement of simple criminal and legal disputes: current state and direction of improvement

Одним из направлений совершенствования механизма правоприменения (норм уголовного права) является создание упрощенной досудебной процедуры разрешения простых уголовно-правовых споров. Автор делает несколько предложений по созданию такой процедуры. Это предполагает усиление состязательности в правовой организации досудебного производства и появление возможности замены уголовно-правовой меры ответственности на административно-правовую или гражданско-правовую.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовный процесс, механизм правоприменения, уголовно-правовой спор.

One of the directions for improving the enforcement mechanism (criminal law norms) is the creation of a simplified pre-trial procedure for resolving simple criminal-legal disputes. The author makes several suggestions for creating such a procedure. This implies increased competition in the legal organization of pre-trial proceedings and the emergence of the possibility of replacing the criminal law measure of liability with administrative law or civil law.

Keywords: pre-trial proceedings, criminal process, enforcement mechanism, criminal-legal dispute.

Обращение к теме уголовно-процессуально-го механизма досудебного урегулирования уголовно-правовых споров обусловлено необходимостью изменения уголовной политики в нашей стране и модернизации механизма применения уголовно-правовых норм в контексте выстраивания правового государства.

Эти вопросы неоднократно поднимались руководством нашей страны [1], которое едино в своей оценке уголовной политики и практики правоприменения как излишне жестокой, карательной (особенно в отношении предпринимателей) и давало соответствующие поручения по изменению действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Законы

изменились, а вот стандарты правоприменения в сфере противодействия преступности (экономической), судя по данным уголовной статистики и мнению президента России В.В. Путина, изменились мало.

Закономерно поэтому то, что проблема комплексного, системного изменения правового механизма применения уголовного законодательства стала частью основных конкурирующих программ развития нашей страны на 2018—2025 годы [2] и все они предусматривают предложения по модернизации правовой формы досудебного разрешения уголовно-правовых споров и применения уголовного закона в виде мер, альтернативных уголовному наказанию.

© Шерстнев В.Б., 2019

На наш взгляд, суть модернизации (и, вместе с тем, гуманизации) уголовной политики состоит в том, чтобы острие уголовной репрессии было обращено против наиболее опасных преступников, что же касается лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, то здесь правоприменительные органы должны проявлять гибкость в выборе мер правового реагирования, в том числе решать основной вопрос уголовного дела, не доводя его до уголовного суда.

Как известно, любая уголовно-процессуальная система содержит систему фильтров. Эти фильтры вначале отсеивают первоначальные сообщения о преступлениях, которые не подтвердились или при проверке которых выяснились обстоятельства, исключающие привлечение к уголовной ответственности (отказ в возбуждении уголовного дела), потом отфильтровываются дела, которые не удалось раскрыть или нельзя направить в суд ввиду временных затруднений (институт приостановления), и, наконец, есть фильтр в виде института прекращения дел, в котором содержится ряд нереабилитирующих оснований, позволяющих применить уголовный закон к лицу, совершившему преступления во внесудебном порядке (стороны примирились, наказание нецелесообразно и пр.). Последний процессуальный фильтр, отсекающий от суда первой инстанции достаточно большой массив «раскрытых» уголовных дел с «установленным лицом», является инстанцией, где применяется уголовный закон: (а) прокурором или (б) следственным судьей.

Подобные механизмы досудебного урегулирования уголовно-правовых конфликтов имеются во всех развитых правовых системах. Так, в ФРГ более половины расследований разрешается на досудебной стадии — прокуратурой или следственным судьей. Аналогичные механизмы есть в США, Канаде, Франции и других странах [3, с. 144].

В России же досудебные органы (следствие и прокуратура) практически не имеют возможности поступить с делом, в котором появился подозреваемый, как-нибудь иначе, кроме как направить его в суд с обвинительным заключением (другим итоговым обвинительным документом) или сделать шаг назад по цепочке правоохранителей — от суда к прокурору, от прокурора к следователю [3, с. 144, 145].

По статистике ничтожно малое число уголовных дел прекращается в ходе досудебного производства по реабилитирующим основаниям. Реабилитация от предъявления обвинения до

принятия итогового процессуального решения по делу (и на следствии, и в суде) составляет менее 1% [3, с. 10]. На стадии предварительного расследования по реабилитирующим основаниям прекращаются 0,5% уголовных дел. В суде по тем делам, по которым велось следствие, оправдывают менее 0,2% подсудимых [4].

Современная уголовно-процессуальная система работает по принципу безотходного производства, то есть если уголовное дело возбуждено, то все правоприменители будут стремиться к тому, чтобы оно было передано в суд с обвинительным процессуальным документом, а в суде по этому делу будет с вероятностью 99% вынесен обвинительный приговор. Решение органа предварительного расследования, как правило, предрешает окончательный исход дела — вынесение обвинительного приговора.

Практикам хорошо известно, что прекращение дела «с лицом», то есть «раскрытого уголовного дела», — редкое явление, которое чаще всего связано со слабой судебной перспективой или «политическими» соображениями руководства правоохранительного органа, прокуратуры. У нас сложилась обвинительно-карательная система, почти исключая возможность альтернативного — медиационного способа разрешения уголовно-правовых конфликтов. Карательный уголовно-правовой механизм работает масштабно и непреклонно, перемалывая до 100 тысяч человек ежегодно. И это происходит десятилетиями, несмотря на рассуждения в верхах о том, что надо бы такую практику прекращать.

Последние изменения УПК РФ поставили на повестку обсуждения новых вопросов в истолковании и применении норм данного института. Речь идет о новых основаниях прекращения уголовного дела, предусмотренных статьями 25¹, 28¹ УПК РФ. Изучение уже разработанных правовых стандартов применения этих норм представляет значительный научный интерес. Ученые, которые уже занимались этой проблематикой, отмечают, что существующий следственный правовой формат досудебного производства накладывает отпечаток на поведение правоприменителей и результаты применения норм, предусмотренных статьями 76¹, 76² УК РФ, не в полной мере позволяет раскрыться заложенному в них потенциалу [5; 6].

С правовым механизмом применения к нарушителям уголовного закона альтернативных правовых мер воздействия тесно связана проблема развития медиационных процедур

в нашем уголовном судопроизводстве. Правовосстановительный потенциал такого рода примирительных процедур задействован в уголовном процессе пока мало. Значит, важно найти и предложить стимулы, которые побуждали бы правоприменителей к принятию решений о досудебном урегулировании спора о применении уголовно-правовой нормы к нарушителю уголовного законодательства. На наш взгляд, таким стимулом могло бы стать восстановление нормы о прекращении уголовного дела (преследования) в связи с привлечением к административному взысканию или мере гражданско-правовой ответственности. Полномочием на принятие такого решения в виде приказа мы бы предложили наделить прокурора.

Актуализирует избранную нами тематику дискуссия о введении в наше уголовно-процессуальное право института следственных судей. Мы разделяем мнение о том, что разрешение уголовных дел в рамках досудебного производства в ряде случаев должно производиться именно следственным судьей — с подачи прокурора или по согласованному ходатайству потерпевшего и подозреваемого/обвиняемого. По некоторым очевидным «уголовным проступкам» принимать решение о применении уголовного или административного закона в виде штрафа, как уже указывалось, должен быть уполномочен прокурор.

Впрочем, это частности, в глобальном плане изменить правовые стандарты применения в ходе досудебного производства норм уголовного законодательства может только институциональная реформа уголовного судопроизводства и переход от следственного типа уголовного процесса к состязательному. В этом плане мы вполне разделяем позицию профессора А.С. Александрова и его последователей [7; 8].

Различные аспекты института прекращения уголовного преследования (дела) являются предметом острых дискуссий и темой многочисленных исследований. Это связано как с важностью правовых последствий, порождаемых решением о прекращении уголовного дела, так и с неоднозначностью объяснений юридической природы решения, принимаемого органом предварительного расследования в ходе досудебного производства или судом.

Однако в работах наших коллег доминирует нормативистский подход и приверженность следственной правовой традиции. Ими рассматривались те или иные аспекты проблематики правовой конструкции института прекращения уголовных дел в контексте действовавшего тог-

да законодательства и правоприменительной практики. Между тем пришло время предложить принципиально иное решение проблемы оптимизации уголовно-процессуального порядка разрешения уголовно-правовых споров в ходе досудебного производства, учитывая необходимость обеспечения как частноправового, так и публично-правового интереса в уголовном судопроизводстве. Достижение этой цели предполагает разграничение данного института с другими родственными ему процессуальными феноменами, которое соответствовало бы современному пониманию уголовной политики, действующему уголовно-процессуальному законодательству, практике судопроизводства в условиях постепенного наращивания элементов состязательности в правовом механизме регулирования уголовно-процессуальных отношений.

Вопрос о правовой организации привлечения к уголовной ответственности и установления оснований для таковой есть вопрос политико-правовой. Это принципиальный вопрос уголовной политики как части внутренней политики государства. Его решение означает радикальное преобразование правового формата досудебной деятельности органов уголовного преследования, выстраивание новой системы процессуальных гарантий прав участников и создание новых процессуальных механизмов их защиты, смену парадигмы уголовно-процессуального познания, внедрение состязательной — судебной технологии установления юридических фактов по уголовному делу.

Нужно не совершенствовать следственную форму, а заменить ее состязательной формой правоприменительной деятельности органов государства, которая имеет целью противодействие преступности и охрану общественных отношений от криминальных угроз, в том числе и посредством узаконивания практики отказа обвинительной власти от уголовного преследования некоторых лиц по мотивам целесообразности.

Таким образом, необходимо говорить о расширении возможностей по осуществлению гибкой уголовной политики, ставящей во главу угла не карательный, а восстановительный, реабилитационный момент, что возможно, конечно, только при пересмотре некоторых концептуальных положений уголовно-правовой и уголовно-процессуальной доктрины.

Согласительный, договорной правовой механизм разрешения уголовно-правовых конфликтов, безусловно, нужен и государству, и гражданам. Он может превратиться в эффективное

средство правоохраны общественных отношений не карательными уголовно-правовыми мерами, а альтернативными мерами юридической ответственности. Через него защита прав и свобод граждан может совмещаться с выгодной для общества экономией сил и средств государственных органов уголовного преследования и уголовной юстиции.

Примечания

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2009. 13 ноября; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2015. 3 декабря.

2. Судебная реформа. Приложение № 13 к Среднесрочной программе социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347). Февраль 2017 г. URL: <http://институтроста.рф/upload/iblock/9f4/13.-sudebnaya-reforma.pdf>; Уголовная политика: дорожная карта (2017—2025 гг.) / Есаков Г.А. [и др.]. М.: ЦСР Институты и общество. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>

3. Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016.

4. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/10888941/>

5. Александров А.С., Александрова И.А. Современная уголовная политика противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам IV всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб., 2017. С. 20—27.

6. Александров А.С., Александрова И.А. Особый порядок привлечения к уголовной ответственности предпринимателей и освобождения от нее // Уголовный процесс. 2017. № 6. С. 56—65.

7. Александров А.С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54—62.

8. Власова С.В., Хмельницкая Т.В. О доктринальной модели формирования уголовно-процессуальных доказательств в состязательном уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 137—143.

Reference

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. *Rossiyskaya gazeta*, 2009, November 13; Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, December 3. (In Russ.)

2. Judicial reform. Appendix no. 13 to the Medium-Term Program of Social and Economic Development of Russia until 2025. “Growth Strategy” (The program was developed as part of the Russian President’s instruction no. Pr-1347 of July 14, 2016). February 2017. URL: <http://instructrosta.rf/upload/iblock/9f4/13.-sudebnaya-reforma.pdf>; Esakov G.A. and others. Criminal policy: road map (2017—2025). Moscow: CSR Institutions and society. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf> (In Russ.)

3. Titaev K., Shklyaruk M. Russian investigator: vocation, profession, everyday life. Moscow, 2016. (In Russ.)

4. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/10888941/> (In Russ.)

5. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Modern criminal policy of countering crime in the sphere of entrepreneurial and other economic activities. *Criminal policy and law enforcement practice: a collection of articles on the materials of the IV All-Russian scientific and practical conference* / ed. E.N. Rakhmanov. St. Petersburg, 2017. Pp. 20—27. (In Russ.)

6. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. A special procedure for bringing to the criminal responsibility of entrepreneurs and release from it. *Criminal process*, 2017, no. 6, pp. 56—65. (In Russ.)

7. Aleksandrov A.S. What is not to be a preliminary investigation. *State and Law*, 2001, no. 9, pp. 54—62. (In Russ.)

8. Vlasova S.V., Khmel'nitskaya T.V. On the doctrinal model of the formation of criminal procedural evidence in adversarial criminal proceedings. *Society and Law*, 2016, no. 1 (55), pp. 137—143. (In Russ.)